

ПОЧТИ КОНЕЦ СВЕТА

Фантастический рассказ

Когда впереди показался Рок-Джанкшен (Аризона), в полдень 22 августа 1961 года Вилли Борсингер сбавил скорость своей повидавшей виды машины и неторопливо заговорил с приятелем, Сэмюэлом Фитсом:

— Да, Сэмюэл, сэр, это городок что надо. После двух месяцев там, на руднике Пенни Дредфул, мне и музыкальный автомат в местном кабачке покажется церковным органом. Без города нам нельзя, без него мы проснулись бы однажды утром куском вяленой говядины или бесчувственным камнем. Ну, и городу, конечно, тоже нельзя без нас.

— Это как? — спросил Сэмюэл Фитс.

— Да мы же приносим в город то, чего в нем нет, — ручьи, ночь в пустыне, горы, звезды и все такое...

«А верно, — думал Вилли, глядя на шоссе перед собой, — отправьте человека куда-нибудь подальше, в безлюдные места, и он тут же наполнится до краев молчанием. Молчанием зарослей шалфея и горного льна, мурлыкающего как разогретый полднем улей, молчанием высохших рек, спрятанных на дне каньонов. Человек вбирает это в себя. Стоит ему в городе открыть рот — он все это выдыхает».

— Эх, и люблю же я забраться в то старое кресло в парикмахерской, — признался Вилли, — а городской народ высаживается в ряд под календарями с голыми девочками и

глазееет на меня. Слушает, как я пережевываю мою философию скал, и миражей, и Времени, которому только и дела, что сидеть там, в горах, да ждать, пока Человек уберется. Я делаю выдох — и пустыня опускается на них легкой гылью. Красота! А я разливаюсь и разливаюсь, легко, приятно, о том, о сем...

Он представил себе, как загораются глаза слушателей. Когда-нибудь они завопят и улетят в горы, побросав свои семьи и цивилизацию, придумавшую будильник.

— Приятно чувствовать, что ты нужен, — сказал Вилли, — мы с тобой. Сэмюэл, предметы первой необходимости для этих горожан... Переезд, Рок-Джанкшен.

И сквозь жестяное тремоло свистка и клубы паровозного пара они вкатили в город, навстречу изумлению и восторгам.

Не проехав по городу и сотни футов, Вилли резко затормозил. Хлопья засохшей грязи дождем посыпались из-под крыльев. Машина замерла, прижавшись к дороге.

— Что-то не так, — сказал Вилли. Он поглядывал во все стороны своими рысьими глазками. Принюхивался своим огромным носом. — Ты видишь? Чувствуешь?

— Точно, — сказал Сэмюэл обеспокоенно, — а что?

Вилли нахмурился.

— Ты когда-нибудь видел, чтобы индеец у табачной лавки был небесно-голубым?

— Никогда.

— Вон, смотри. Видал когда-нибудь алую собачью будку, оранжевый сарай, сиреневую голубятню? Вон, вон и вон там.

Они медленно поднялись и стояли на поскрипывающих подножках.

— Сэмюэл, — прошептал Вилли, — вся эта чертовщина, каждая щепка, ступенька, пряник, забор, пожарный кран, тачка для мусора, весь распроклятый город — изгляни-ка на него, — он покрашен час тому назад!

— Да нет! — сказал Сэмюэл Фитс.

Но вот они были перед ними и вокруг них — оркестровая раковина, баптистская церковь, пожарное депо, приют, железнодорожная станция, окружная тюрьма, кошачья больница, — и все эти домики, коттеджи, теплицы, террасы, вывески, почтовые ящики, телеграфные столбы, урны — все они были желтые, зеленые, красные, как спелое зерно, как

кислое яблоко, как цирковое представление. От баков для воды до кровель каждое здание выглядело так, словно бог только что выпилил его, покрасил и выставил для просушки.

И это было не все — там, где обычно росли сорняки, теперь теснились капуста, зеленый лук и салат, толпы любопытных подсолнечников уставились в полуденное небо; анютины глазки лежали в тени под деревьями, как щенки летом, и глядели огромными влажными глазами поверх подстриженных газонов, изумрудных, словно плакат «Посетите Ирландию». И в довершение всего мимо промчалась стайка мальчишек. Лица их были начисто вымыты, волосы намажены, рубашки, штаны, теннисные туфли сверкали, как первый снег.

— Город, — сказал Вилли, — сошел с ума! Тайна! Тайна во всем... Сэмюэл, какой же это тиран пришел к власти? Какой издали закон, чтобы заставить мальчишек быть чистыми, чтобы принудить людей выкрасить каждую зубочистку, каждый горшок с геранью? Чувствуешь запах? Новые обои во всех домах! Эти люди приготовились к Страшному Суду, я тебе говорю. Человек не делается паинькой за одну ночь. Ставлю все золото, которое я намыл в прошлый месяц, что все чердаки, все погреба вылизаны у них, как на корабле. Держу пари, на город обрушилось Нечто!

— Почему? Да тут рай, сейчас херувимы запоют, — запротестовал Сэмюэл, — с чего ты взял Страшный Суд? По рукам. Принимаю пари и беру твои денежки.

Автомобиль повернул за угол, раздвигая воздух, пахнувший известкой и скипидаром. Сэмюэл выбросил обертку от жевательной резинки. То, что произошло вслед за тем, насколько его удивило. Старик в новом комбинезоне, в сверкающих, как зеркало, ботинках выскочил на улицу, подхватил смятую бумажку и погрозил кулаком удалявшейся машине. Сэмюэл обернулся.

— Страшный Суд, — сказал он упавшим голосом. — Ну ладно... Пари все-таки остается.

Они открыли дверь в парикмахерскую, набитую людьми. Подстриженные и набриллиантенные, выбритые, розовые, они ждали очереди, чтобы снова откинуться в креслах, возле которых три парикмахера орудовали бритвами и гребенками. Гам стоял, как на конской ярмарке, потому что и клиенты и парикмахеры — все говорили одновременно.

Когда Вилли и Сэмюэл вошли, крик мгновенно прекратился, будто они выпалили из ружей с порога.

— Сэм... Вилли...

В тишине некоторые из сидевших поднялись, а некоторые из стоявших сели, медленно продолжая глазеть.

— Сэмюэл, — пробормотал Вилли, — я чувствую себя посланцем чумы.

Потом сказал громко:

— Привет! Вот явился окончить лекцию на тему «Интересная флора и фауна Великой Американской пустыни» и...

— Не надо!

Антонелли, главный парикмахер, отчаянно бросился на Вилли, схватил его за руку, прихлопнул ему ладонью рот, как свечу колпачком.

— Вилли, — зашептал он с опаской, поглядывая через плечо на клиентов, — обещаю тебе сейчас же купить иголку и нитку и зашить тебе рот. Молчание, приятель, если тебе жизнь дорога!

Вилли и Сэмюэла потащили вперед. Двое уже побритых уступили им место, не дожидаясь просьбы. Погружаясь в кресло, золотоискатели увидели себя в засиженном мухами зеркале.

— Вот, Сэмюэл, гляди, сравнивай!

— Да, — сказал Сэмюэл, моргая, — мы единственные во

Рисунки Б. БАЖОРА

всем Рок-Джанкшене, кому бы и вправду надо побриться и постричься.

— Чужаки. — Антонелли положил их в креслах, как будто собирался немедленно оперировать. — Вы даже не представляете, какие вы чужаки!

— Да нас же не было всего-то два месяца...

Горячее полотенце облепило лицо Вилли. Он глухо вскрикнул и умолк. В дымящейся паром темноте он слышал тихий вкрадчивый голос Антонелли:

— Мы приведем вас в порядок, чтобы вы были как все. Нельзя сказать, что это опасно — иметь такой вид, нет. Но разговорчики, которые вы, старатели, вечно тут ведете... Это может расстроить народ в такие времена.

— Такие времена, черт! — Вилли отогнул шипящее полотенце. Слезающийся глаз уставился на Антонелли. — Что произошло в Рок-Джанкшене?

— Не только в Рок-Джанкшене. — Антонелли зачарованно разглядывал некое видение где-то далеко, за горизонтом. — Феникс, Таксон, Денвер. Все города Америки! Мы с женой собираемся съездить в Чикаго на следующей неделе. Представляете, Чикаго весь раскрашенный, чистый, новенький! Жемчужина Востока, так его теперь называют. Питтсбург, Цинциннати, Буффало — везде все то же. И все потому... А ну-ка, встань и включи телевизор там, у стены.

Вилли отдал Антонелли полотенце, подошел к телевизору, включил его, прислушался, как загудело внутри, покрутил ручки и подождал. Белый снег медленно падал на экране.

Вилли чувствовал, что все следят, как он двигает стрелку по шкале.

— Черт! — сказал он наконец. — У вас и радио и телевизор испортились.

— Нет, — только и ответил Антонелли.

Вилли опять улегся в кресло и закрыл глаза. Антонелли наклонился к нему, тяжело дыша.

— Слушай! — сказал он. — Представь себе субботнее утро четыре недели назад. У телевизоров женщины и дети глазекот на клоунов и фокусников. В косметических салонах женщины у телевизоров глазекот на моды. В парикмахерских и скобяных лавках мужчины глазекот на ловлю форелей и бейсбол. Все и повсюду в цивилизованном мире глазекот. Ни звука, ни движения — только на черно-белых экранчиках. И тут в разгар этого глазения... — Антонелли остановился, чтобы приподнять край полотенца. — Пятна на солнце! — сказал он.

Вилли оцепенел.

— Самые огромные проклятые пятна со времен Адама и Евы, — сказал Антонелли, — весь проклятый мир затоплен электричеством. Телевизионные экраны опустели как по сигналу, ничего не осталось, ничего и еще раз ничего!

Он говорил так, будто видел все эти события издалека, будто описывал арктический пейзаж. Он намыливал физиономию Вилли, даже не глядя на него... Вилли посмотрел в другой угол, на гудящий экран, где в вечной зиме все падал и падал мягкий снег. Казалось, он слышал робкий стук сердец всех, кто был в парикмахерской.

Антонелли продолжал свою похоронную речь:

— Нам понадобился весь этот первый день, чтобы понять, что случилось. Через два часа после того, как разразилась эта солнечная буря, все телевизионные мастера Соединенных Штатов были в пути. Каждый решил, что испортился именно его телевизор. Радио тоже вышло из строя, и только к вечеру, когда мальчишки-газетчики, как в старые времена, забегали по улицам, выкрикивая заголовки, до нас дошло, что история с пятнами может продолжаться до конца наших дней.

Гул прокатился по парикмахерской. Рука Антонелли, держащая бритву, задрожала. Он вынужден был остановиться.

— Вся эта пустота, эта белая штука, которая сыпалась и сыпалась в наших телевизорах, — о, скажу я вам, натерпелись мы страху! Как будто бы приятель, который только что болтал у тебя в гостиной, вдруг заткнулся и лежит себе бледный, и ты знаешь, что он помер, и сам начинаешь леденеть.

В тот первый вечер все ринулись в кино. Фильмы показывали так себе, но никто не обращал внимания, это было как благотворительный ежегодный бал. В первый вечер катастрофы аптека продала двести порций ванильного и триста содовой с шоколадом. Но нельзя же покупать билеты в кино и содовую каждый вечер. Потом что? Приглашать родственников жены на покер или канасту?

— Еще можно, — заметил Вилли, — вышибить себе мозги.

— Верно. Людям надо было убраться из своих заколдованных домов. Прогуливаться по собственным гостиним было все равно, что посвистывать, проходя мимо кладбища. Вся эта тишина...

Вилли слегка приподнялся.

— Кстати, о тишине...

— На третий вечер, — быстро сказал Антонелли, — мы все еще были в столбняке. От полного помешательства нас спасла женщина. Где-то здесь, в городе, эта женщина вышла из своего дома и через минуту вернулась. В одной руке она держала кисть. А в другой...

— Ведро с краской, — сказал Вилли.

Все заулыбались, увидев, как он быстро все понял.

— Если эти психологи когда-нибудь станут выбивать золотые медали, одну они должны будут дать этой женщине, и каждой женщине в каждом городишке, которая, подобно той, спасла мир от гибели. Тем женщинам, что, повинувшись инстинкту, вышли на рассвете и принесли нам чудесное исцеление...

Вилли представил себе все это. Отцы, неотрывно глядящие на пустой экран; хмурые сыновья, сраженные гибелью своих телевизоров, ждущие, когда эта проклятая штуквина закричит: «Еще удар! Гол!» И вот однажды в сумерки, очнувшись от своего оцепенения, они видят прекрасных женщин, полных решимости и достоинства, стоящих перед ними с кистями и краской.

И благостный свет засиял в их взорах и озарил их лица...

— Боже, это распространилось, как лесной пожар! — сказал Антонелли. — Из дома в дом, из города в город. Ни один массовый психоз прошлых лет не сравнится с этим повальным безумием «Сделай сам», которое разнесло наш город в щепки и потом склеило его заново. Повсюду мужчины ляпали краску на все, что стояло неподвижно в течение десяти секунд; повсюду мужчины карабкались на колокольни, сидели верхом на заборах, сотнями падали с крыш и стремянок. Женщины красили шкафы и буфеты. Дети красили заводные автомобили, вагончики и змеев. Если бы они не занялись делом, можно было бы обнести этот город стеной и переименовать его в санаторий для лунатиков. И то же самое во всех других городах, где люди забыли, как нужно шевелить челюстью для того, чтобы побеседовать. Говорю вам, мужчины двигались, как во сне, бессмысленными кругами, пока их жены не сунули им в руки кисть и не указали на ближайшую непокрашенную стену!

— Похоже, с этим делом вы покончили, — сказал Вилли.

— В первую неделю магазины трижды пополняли запасы красок.

Антонелли удовлетворенно поглядел в окно.

— Конечно, краски хватает до тех пор, пока вам не приходит в голову выкрасить живую изгородь и расписать каждую травинку в газоне. Теперь, когда чердаки и подвалы тоже вычищены, пожар перекинулся на другое — женщины опять консервируют фрукты, маринуют помидоры, делают клубничное и малиновое варенье. Полки в кладовых загружены. Церковь тоже развернулась вовсю. Снова появились кегельбаны, вечеринки с пивом, любительский бокс. Музыкальные магазины продали за четыре недели пятьсот банджо, двести двенадцать гавайских гитар, четыреста шестьдесят окарин и гармоник. Я учусь на тромбоне. Вон Мак — на флейте. Выступления оркестра по вторникам и субботам. Домашние мороженицы?! Берт Тайсон только за одну прошлую неделю продал двести штук! Двадцать восемь дней, Вилли, Двадцать Восемь Дней, которые потрясли мир!

Вилли Борсингер и Сэмюэл Фитс сидели и старались представить себе это потрясение, этот сокрушительный удар.

— Двадцать восемь дней парикмахерская ломилась от мужчин, брившихся дважды в день, лишь бы поглазеть на посетителей — а вдруг кто-то что-то скажет, — рассказывал Антонелли, принимаясь брить Вилли. — Помните, было время, еще до телевизоров, когда парикмахеры считались мастерами поболтать. Ну, так теперь нам потребовалась неделя, чтобы разогреться, снять ржавчину. Теперь мы болтаем за десятерых. Качества никакого, зато количество устрашающее! Вы слышали гвалт, когда вошли? Это спадет, конечно, как только мы привыкнем к Великому Забвению...

— Так все называют это?

— Некоторое время так казалось многим.

Вилли Борсингер тихо рассмеялся и покачал головой.

— Теперь я понимаю, почему вы не захотели, чтобы я начал свою проповедь, когда вошел в эту дверь.

«Конечно, — думал Вилли, — и как я сразу не заметил? Всего какие-то четыре недели назад пустыня обрушилась на этот город и потрясла и напугала его как следует. Из-за этих солнечных пятен все города западного мира запаслись молчанием на десять лет вперед. И тут являюсь я с новым запасом молчания, с болтовней о пустынях, ночах, в которых нет луны, а только звезды да шорох песка, гонимого ветром по высохшим речным руслам. Все что угодно могло слу-

читься, если бы Антонелли меня не заткнул. Ясно вижу, как меня, в смоле и перьях, выпроваживают из города».

— Антонелли, — сказал он вслух, — благодарю.

— Не за что, — ответил Антонелли. Он взял гребенку и ножницы. — Ну, коротко с боков, подлиннее сзади?

— Подлиннее с боков, — сказал Вилли Борсингер, опять закрывая глаза, — коротко сзади.

Через час Вилли и Сэмюэл снова забрались в свой рыдван, который кто-то — они так никогда и не узнали кто — вымыл и вычистил, пока они были в парикмахерской.

— Страшный Суд! — Сэмюэл протянул мешочек с золотым песком. — Самый настоящий!

— Оставь!

Вилли задумчиво взялся за руль.

— Давай-ка махнем с этими деньгами в Фенникс, Таксон, Канзас-Сити. Почему бы и нет? Сейчас мы здесь ненужная роскошь. Мы не понадобится до тех пор, пока эти телевизоры не начнут трещать, показывать танцы и петь. Уж я-то знаю, если мы здесь останемся, мы обязательно откроем наши пасти, и коршуны, ящеры-ядозубы и пустыня выскользнут и наделают нам бед.

Вилли взглянул на дорогу впереди.

— Жемчужина Востока, так он сказал. Ты можешь представить — этот грязный Старый Чикаго весь выкрашен и нов, как новорожденный младенец в свете зари! Мы просто обязаны посмотреть Чикаго, ей-богу!

Он включил мотор и оглянулся на город.

— Человек живуч, — пробормотал он, — человек переносит все. Жаль, что мы не видели этой великой перемены. Должно быть, это была жуткая вещь, время бурь и испытаний. Сэмюэл, я что-то не помню, а ты? Мы-то что смотрели по телевизору?

— Один раз я видал, как женщина боролась с медведем...

— Кто победил?

— Черт их знает. Кажется, она...

Тут машина тронулась, увозя с собой Вилли Борсингера и Сэмюэла Фитса. Они были подстрижены, напомажены, причесаны и благоухали, щеки их были выбриты до румянца, ногти сияли. Они проплыли под остриженными свежеполи-

тыми деревьями, мимо цветущих лужаек, мимо желтых, сиреневых, фиолетовых, розовых и фисташковых домов, по дороге, где не было ни пылинки.

— Вперед, к Жемчужине Востока!

Завитая, надушенная собака выскочила, уцепилась за шину и лаяла до тех пор, пока они совсем не скрылись из виду.

Перевели с английского Т. ПОЛЕВА,
О. ГЛЕБОВ

